

О ЧУБЕ А. Т. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЧУБ Андрей Трофимович. Священник, служил в церкви Царского Села, в 1920-х — работал в советских учреждениях, после увольнения служил в маленькой церкви. 10 марта 1935 — арестован и выслан с женой в Атбасар Актюбинской области на 5 лет, позднее переведены в село Кийма Атбасарского района. С родителями выехал их младший сын Михаил Андреевич Чуб.

В июле 1936 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью Надежда Исааковна Канторович, ветеран революции.

<23 июля 1936>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна,

Очень тяжело после понесенной Вами потери — потери безвозвратной для всех, особенно для близких — беспокоить Вас какими бы то ни было делами. Но, зная Ваше доброе, отзывчивое сердце, Ваше искреннее стремление сеять доброе, справедливое, заступиться за невинно страдающих, — решаюсь обратиться к Вам со следующей просьбой.

В Детском Селе, недалеко от Ленинграда, жил долгие годы священник Андрей Трофимович Чуб, человек исключительной честности, искренности, благородства. Происходит он из беднейшей крестьянской семьи: в детстве пас свиней, в юности служил батраком. Благодаря своему прекрасному голосу он выдвинулся и попал в священники. Но он священник не как многие другие, — это в высшей степени бескорыстный, добрый, самоотверженный человек, верующий, но не фанатик, уважающий советскую власть, как власть народную, крестьянскую. "Власть народа — власть бога, — говорил он, — эту власть нужно почитать и стараться наилучшим образом исполнять ее постановления". После революции он пошел служить в советские учреждения, где своей талантливостью и неподкупной честностью приносил огромную пользу. По запрещении священникам служить в государственных учреждениях, он остался при маленькой церковке, бедствовал, терпел всякие притеснения от местной власти, но не озлобился, остался по-прежнему честным, преданным советской власти, честно исполнял ее постановления.

Старший из его двух сыновей бросил родителей ради карьеры; младший, Михаил Андреевич Чуб, пожалел их, особенно больную мать, и остался при них присматривать за больной матерью. Несмотря на то, что при высылке родителей к нему лично не предъявляли никаких обвинений, он не старался остаться на месте, оставил хорошую службу и поехал с родителями, чтобы облегчить их тяжелую участь. Когда в прошлом году начались выселения, им в голову не приходило, что это коснется их: люди живут тихо, честно, за что их тронут? Но вдруг, 10-го марта 1935 г<ода> арестовывают старика и через два дня заявляют ему, что их всех высылают в Казахстан. В пятидневный срок несчастный старик, без копейки за душой, с больной женой должен был подготовиться к такому путешествию. Сколько тут было пережито — передать невозможно. Полуживые они дотащились до места назначения — Атбасара, но там им заявили, что они должны ехать еще дальше, в село Кийма, где жить никакой возможности не было.

Промучившись там полгода, они выхлопотали разрешение на переезд в другое место, им дали Караганду, но там не лучше: заработков никаких, климат убийственный. Все время все трое болеют: старик страдает жесточайшими припадками болей в печени, язвой желудка и сильнейшей малярией при больном сердце, жена — сердечными

припадками, сын, 24-х лет, перенесший в детстве и юности голод, лишения, много болезней, вырос болезненным, малокровным, и климат той местности прямой для него путь к чахотке, он беспрестанно там болеет. А это юноша очень способный, талантливый, при подходящих условиях из него вышел бы большой ученый, а там он погибнет. Он не может воспользоваться новым постановлением об освобождении молодежи; на кого он оставит больных родителей? Их можно спасти только возвращением всех троих на прежнее местожительство — в Детское Село, Ленинградской области; тут и климат им подходит, тут они смогут найти работу, квартиру и т. п.

И величайшая просьба к Вам, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, выхлопотать разрешение вернуть их, Андрея Трофимовича Чуба с женой и сыном, обратно в Детское Село по возможности скорее.

Еще в прошлом году, в июле месяце, я обратилась к Вам с письмом по поводу этого невинно пострадавшего семейства, ответа от Вас не получила, допускаю, что мое письмо не дошло до Вас, иначе Вы бы откликнулись. Мне кажется чудовищным, чтобы у нас, в нашей стране, при нашем мудром и справедливом руководстве, невинные расплачивались за виновных, чтобы валили в одну кучу виновного и правого.

Я — старая революционерка, с юных лет боролась за торжество справедливости на земле, за освобождение человека от гнета и рабства, за что была вознаграждена царским правительством неоднократным тюремным заключением, долгие годы была в эмиграции: в Швейцарии, Италии, Франции. Из Италии (San Remo) неоднократно писала Алексею Максимовичу, — жившему тогда на Капри, — которого лично знала и получала от него ответы. Лучшее почитание светлой памяти нашего Горького — освобождение невинных страдальцев.

Подчеркиваю, что крайне обострившаяся за последнее время болезнь А. Т. Чуба требует самого срочного отъезда из убивающего его климата. С сердечным приветом.

Глубоко уважающая Вас
Ветеран революции.

3/VII. 36

Н. И. Канторович

Мой адрес: Детское Село, Ленинградской области, ул. Ленина, N 126, кв. 6.

Надежда Исааковна Кантарович»¹.

В августе 1936 — Надежда Исааковна Канторович вновь обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<7 августа 1936>

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна,

По вашему совету (отношение № 7003 от 25/VII с<его> г<ода>) я написала Андрею Трофимовичу Чубу, советуя ему послать заявление Вам через меня, т<ак> к<ак> я приложу к заявлению справку. На днях получила от него заявление в двух экземплярах и справку врача. Пересылаю это Вам с надеждой, что Вы отнесетесь к этому, в высшей степени заслуживающему внимания делу с присущей Вам энергией, сердечным сочувствием. Люди эти совершенно погибают там. От болезней, забот, ужасающей бедности они находятся в каком-то оцепенении, у них пропала всякая энергия и надежда на восстановление истины, и бедный старик не решается просить о возвращении его на прежнее местожительство, в Детское Село, Ленинградской области (об этом он сообщает в

¹ ГАРФ. Ф 8409. Оп. 1 Д. 1493 С. 3-5. Автограф.

приложенном к заявлению для меня лично письмеце) и просит разрешить ему поселиться в каком-нибудь городе, где подходящий климат. Конечно, перемена убивающего их климата на подходящий для них — большое облегчение, но настоящее спасение — возвращение на прежнее местожительство, — Детское Село, где они жили долгие годы: на старом месте они устроятся скорее, чем в незнакомом без сил и средств, там им, наверное, придется долго мучиться, пока найдут заработок, пока устроятся.

Человек этот, как я уже писала Вам, является невинной жертвой. Если он в детстве и в юности, как сын бедняка, был преследуем более богатыми, а потом кастовой ненавистью более важных по происхождению и образованию священников, — то, казалось бы, теперь, при рабоче-крестьянской власти, подобные явления не должны были бы иметь место.

Но верно, что все это будет исправлено при Вашем деятельном участии, и невинно пострадавшие получают полное освобождение.

С сердечным приветом и уважением

Ветеран революции
Н. И. Канторович

P. S. Не знаю, может ли это письмо служить справкой к заявлению А.Т. Чуба или требуется более краткая рекомендательная записка? На всякий случай прилагаю таковую.

Н. К.

Детское Село, Ленингр<адской> обл<асти>.

Ул. Ленина, 12б, кв. 6.

Надежда Исааковна Канторович»².

На письме — пометы секретаря ПКК: «Канторович — Чуб. 1936».

В сентябре 1936 — Надежда Исааковна вновь обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<1 сентября 1936>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна,

Очень и очень признательна Вам за Ваше сообщение от 27/VIII (за № 7003, по поводу дела А. Т. Чуба). Глубоко радуется меня Ваша готовность, сочувствие и старание. Но главное тут — освобождение стариков. Сын, Михаил Андреевич Чуб, не оставит больных, беспомощных родителей в том убийственном климате, при тех невозможных условиях, при которых они все время живут (в сарае без крыши и без всяких средств к существованию), вследствие чего не выходят из болезней. Настоящее спасение для них состоит в получении разрешения свободного выбора местожительства, о чем бедные все время просят. Вся надежда теперь на Вас, на Ваше искреннее желание помочь восстановить справедливость.

С сердечным приветом и уважением

Вет<еран> револ<юции>.
Н. И. Канторович

Детское Село, Ленинградской обл<асти>,

Ул. Ленина, 12б, кв. 6»³.

² ГАРФ. Ф 8409. Оп. 1 Д. 1493 С. 13 Автограф.

³ ГАРФ. Ф 8409. Оп. 1. Д. 1493. С. 7. Автограф.

14 ноября 1936 — Надежда Исааковна опять обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<14 ноября 1936>

Многоуважаемая Екатерина Павловна

Очень прошу Вас принять меры для облегчения положения Андрея Трофимовича Чуба с женой. 1/XI с<его> г<ода> им в Караганде сообщили, что 6/XI они должны отправиться в Рыбинск, Ярославской обл<асти>. Подробностей при этом им не дали никаких и не сказали, откуда пришло распоряжение об их переводе в Рыбинск. По приезде на место А. Т. Чубу предложили немедленно отправиться в Волгострой (за 25 верст от Рыбинска) для оформления своего положения. Но там ему заявили, что регистрироваться он должен в городском отделе Рыбинска. В городском же отделе его зарегистрировать отказались, сказав, что он должен ехать обратно в Караганду.

Представьте себе положение несчастных стариков: по дороге они простудились и заболели, сейчас они сидят на вокзале, не имея угла, где переночевать и ни копейки денег. Сегодня я получила от них два отчаянных письма и немедленно телеграфировала Вам. Необходимо срочно принять меры, чтобы их не гнали оттуда обратно и дали возможность устроиться там как-нибудь.

Верю, что Вы сделаете все зависящее от Вас, чтобы прекратить страдания этих бедных людей. Очевидно, тут какое-то недоразумение местной власти. С глубоким уважением и приветом.

Крепко жму Вашу руку.

Ветеран революции
Н. И. Канторович

Детское Село, Ленинградской области, ул. Ленина, № 12б, кв. 6.
Надежда Исааковна Канторович»⁴.

10 ноября юридическая комиссия ПКК сообщила священнику Андрею Трофимовичу Чубу о результате ходатайства.

<10 ноября 1936>

«Гр<ажданину> Чуб А. Т.

В отв<ет> на В<аше> обращ<ение> сообщ<аю>, что заявл<ение> Ваше нами передано и, согл<асно> получ<енной> спр<авке>, обещано выяснить возможность пер<евода> Вас в один из указанных Вами городов»⁵.

Уже 6 ноября семья Чубов была переведена в Рыбинск, так что сообщение юридического отдела Помполита Надежде Исааковне Канторович о результатах ходатайства запоздало.

<10 ноября 1936>

В отв<ет> на В<аше> обращ<ение> сообщаем, что заявл<ение> гр<ажданина> Чуб А. Т. с Вашим отзывом нами получено и пер<едано> по назначению. И, согл<асно> получ<енной> спр<авке>, обещано выяснить

⁴ ГАРФ. Ф 8409. Оп. 1. Д. 1493. С. 6. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф 8409. Оп. 1. Д. 1493. С. 10. Автограф.

возможности удовлетв^{орить} его ходат^{айство} о пер^{евод}е в др^{угой} город»⁶.

Но в Рыбинске власти отказались зарегистрировать семью Чубов, требуя возврата их на старое место ссылки. В середине ноября 1936 — Надежда Исааковна Канторович телеграфировала Е. П. Пешковой.

<15 ноября 1936>

«Телеграмма 7003

Помполит Пешковой

Андрея Чуба перевели 6 нояб^{ря} Рыбинск. Там гор^{одской} отдел не регистрирует. Посылает обратно Караганду. Просьба срочно принять меры. Канторович»⁷.

На следующий день юридическая комиссия ПКК сообщила Надежде Исааковне о принятых мерах.

<16 ноября 1934>

«Канторович Над^{ежде} Исак^{овне}>

В отв^{ет} на В^{аше} обр^{ащение} сообщаю, что, согласно получ^{енной} справке, обещано дать распоряжение относит^{ельно} регистрации в Рыбинске Андрея Троф^{имовича} Чуб»⁸.

⁶ ГАРФ. Ф 8409. Оп. 1. Д. 1493. С. 11. Автограф.

⁷ ГАРФ. Ф 8409. Оп. 1. Д. 1493. С. 9. Автограф.

⁸ ГАРФ. Ф 8409. Оп. 1. Д. 1493. С. 8. Автограф.